

Инна Балтийская
«Ночной гламур»

Инна Балтийская

Ночной гламур

*Текст предоставлен правообладателем
Ночной гламур:*

Аннотация

Молодая журналистка Лена устроилась на столь желанную работу в модный журнал "Ночной гламур". Но что-то странное творится в редакции. Визитки этого журнала используются для таинственных убийств, а зловещий шантажист, похоже, затаился среди гламурных сотрудников.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	32
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Инна Балтийская

Ночной гламур

Все события в романе от начала до конца – художественный вымысел автора, любое совпадение имен и событий является случайным.

Глава 1

– Ты узнаешь меня, дорогой? Это Диана. – низкий, чуть хрипловатый голос в телефонной трубке звучал кокетливо. – Я тебе звоню по вопросу личному, можно сказать, интимному.

– Кто вы? – удивленно спросил Стас Федорчук. Он не помнил никакой Дианы. – И какие, елки-палки, сейчас могут быть интимные вопросы? Еще девяти дней после похорон Ксаны не прошло.

– Я Диана, а ты – убийца. Ты убил свою жену, и у меня есть все доказательства.

– Да пошла ты! – бизнесмен бросил трубку. Но его домашний телефон тут же зазвонил вновь. Федорчук слегка поколебался, но трубку все же поднял.

– Стас, ты меня не понял. – незнакомый голос звучал мягко, с такой доброй интонацией, что хотелось прослезиться от умиления. – Я не собираюсь тратить наше общее время, доказывая тебе, что это ты ее убил. А тебя прошу не трудиться, доказывая мне, что ты не виновен. Я уже сказала – у меня на руках серьезные улики. Если я передам их в полицию, тебя признает виновным любой суд, и не поможет никакой адвокат. Но я женщина добрая, и доводить дело до суда не хочу. Ты переведешь деньги на указанный мной счет, и я отдам все улики тебе.

– А, так ты шантажистка! – Стас Федорчук хрипло расхохотался. – Дудки, стерва, тут ты прокололась. Я невиновен, и свои улики можешь запихнуть себе в ж... Я ясно выражаюсь, или повторить для верности?

– Спасибо, я все поняла. – с чувством произнесла невидимая собеседница. – Увы, вы не джентльмен. Мне очень жаль, но теперь я просто вынуждена передать все улики в полицию.

* * *

– Мамочка, я сегодня была на собеседовании в редакции модного журнала «Ночной гламур»! – с трудом сдерживая ликование, с порога прокричала я. – Меня берут внештатницей! А если хорошо себя покажу, то через два месяца зачислят в штат.

– Что за журнал, Милена? – моя мама всю жизнь работала учительницей младших классов, и от великосветской жизни была бесконечно далека.

– «Ночной гламур» – по слогам проговорила я. – Он недавно создан, выходит раз в неделю, и пишет только о светской жизни – о ночных тусовках, модных приемах, театральных и галерейных показах... Интервью с интересными людьми печатает. Классная работа для выпускницы филфака, правда?

– А у нас есть модные приемы? – удивилась мама. – Ночные тусовки? В нашем тихом городке?

– У нас в городе есть обычные приемы, а модными они станут тогда, когда о них напишет журнал. – пояснила я. – Так что не исключено, что именно я стану законодательницей мод! Да не пугайся так, я шучу. Мода меня интересует слабо, сама знаешь. Но не в желтые же газетки же мне идти! В журнале наберусь опыта, потусуюсь с серьезными людьми, меня потом и в серьезную прессу возьмут. Или даже на телевидение!

– А в школе поработать не хочешь? – в очередной раз для проформы предложила мама. Этот разговор мы вели последние пару лет, и на положительный ответ она уже не рассчитывала.

– В твою школу я когда-нибудь приду директором! – торжественно пообещала я, и отправилась в свою комнату – подгонять нехитрый имидж вчерашней студентки к новой почетной должности.

К своему первому рабочему дню в самом модном городском глянцево-м журнале я готовилась целую неделю. Конечно, у нас не Москва и даже не Питер, но этот журнал, похоже, даже не подозревал об этом прискорбном факте. Любую выставку картин художника-самоучки в журнале превращали в событие века. А уж если в наш провинциальный городок прибывали знаменитые певцы, горожане пребывали в полной уверенности, что все они стояли в очереди на интервью к журналистам «Ночного гламура».

Моя внешность, увы, не вполне соответствовала модельной. Никаких тебе 90-60-90, рост – метр с кепкой, фигура в форме песочных часов, а не модной лыжной палки, грудь маленькая, волосы – темно-серые... Правда, мама уверяла, что они каштановые, но я ей не верила. Но, поскольку с ростом и фигурой за несколько дней ничего сделать было нельзя, я решила начать с прически.

В самом дорогом городском салоне «Феникс» я села в кресло, придирчиво полистала каталоги и заказала короткую стрижку с рваными прядями и коричнево-шоколадный окрас волос, перемежающийся тоненькими золотистыми прядками. Мастерница долго осматривала мои волосы, шевеля их пальцами, затем недоверчиво спросила:

– Девушка, а вы что, до сих пор ни разу не красились?

– Нет, а что?

– Да это плохо... У вас свой цвет довольно темный, придется сильно осветлять...

– А я если бы их раньше красила, они стали бы светлее? – удивилась я.

Ничего не ответив, мастерница отправилась смешивать краски. За два часа я была окрашена, пострижена, и даже выпила чашечку кофе, наконец, парикмахерша – или в салоне их принято называть иначе? – высушила мои волосы чересчур горячим, на мой взгляд, феном, и я посмотрела в большое зеркало на свою голову. В первый момент мне показалось, что я вижу дурной сон, я даже зажмурилась и потрясла

головой, пытаюсь проснуться. Нет, не может быть, чтобы этот ярко-красный шар с торчащими во все стороны разной длины иголками – моя аккуратная каштановая головка! Вот теперь я готова была поверить маме – раньше мои волосы были каштановыми! Чуть не плача, я воззвала к мастерице:

– Девушка, мы договаривались о цвете расплавленного шоколада!

– Так вот же он! – девушка энергично качнула ладонью мою шею в сторону зеркала.

– Это взбесившаяся лисица! – в отчаянии выпалила я.

– Ну как же, вот посмотрите еще раз каталог. Вы ведь эту краску заказывали? – терпеливо, как раскапризничавшегося ребенка, увещевала меня парикмахерша. – И вот этот микс пошел на золотые пряди.

Я опять посмотрела в зеркало, пытаюсь найти эти самые пряди, но оттуда на меня по-прежнему смотрело нечто, смахивающее на окровавленного лешего.

– Девушка, но эта прядка в каталоге выглядит совсем по-другому! Она коричневая, а не красная!

– Так каталог старый, волосы уже выцвели. – спокойно пояснила парикмахерша. – И у вас через месяц-другой выцветут, не беспокойтесь.

– Да как я в таком виде на улицу выйду! – я собиралась с духом, чтобы потребовать перекрасить себя в любой цвет, вплоть до радикально черного.

– Вам очень идет! – зататорила девушка. – Я прямо за-

любовалась! Только не вздумайте красить волосы раньше. Чем через месяц, а то, во-первых, результат непредсказуемый, а во-вторых, они вылезать начнут. А у вас волос и так немного осталось...

Я невольно отвлеклась от нелепого цвета.

– Что значит «осталось»?

– Они у вас сильно секутся, и, по моему, выпадают...

Вы когда по утрам расчесываетесь, на щетке много волос остается?

Разумеется, волосы на щетке оставались, но я всегда считала, что это естественно. А вдруг нет?

– Вот видите, вам волосы подлечить надо. – правильно истолковала мое замешательство парикмахерша. – Вы купите у нас масочку для волос, профессиональную, две недельки полечите, а потом – милости прошу, можно и еще раз покрасить.

Маску я покупать не стала, но мое сопротивление было подавлено в зародыше. В самом унылом расположении духа я вышла на улицу. Вот так-то, пойду теперь на новую работу в виде кошмара в багровых тонах. И чем меня не устраивал прежний цвет? Ну и что, что немного тускловатый, зато вполне пристойный. Дома я вновь вымыла голову, надеясь, что шевелюра хоть немного потускнеет. Но нет, она, казалось, заиграла новыми оттенками красного. Плюнув на боевую расцветку, я начала подбирать наряд для первого рабочего дня.

Интересно, в редакцию надо одеваться по-офисному строго? Как писали в модных журналах, юбка на ладонь ниже колена, пиджачок в тон и обязательные бежевые колготки? Но на улице тридцатиградусная жара, я с ума сойду в пиджаке и колготках! К тому же, моя ежикообразная багровая стрижка все равно к такому наряду не подойдет. А, семь бед, один ответ. И я надежа коротенькие джинсовые шорты, белые босоножки без каблука и белый трикотажный топик без рукавов. А что, смотрится очень мило, полноватые бедра туго стянуты, а стройные ножки полностью открыты. Конечно, выгляжу я по-пляжному, но плевать, все равно народ устанется на мою голову, а остальные детали пройдут мимо сознания.

Наконец, долгожданный день настал. На планерку я пришла на четверть часа раньше положенного, и разумеется, уткнулась носом в запертую дверь. В первый момент я даже перепугалась – вдруг перепутала адрес? К сожалению, я страдаю настоящим географическим маразмом, и не всегда с первого захода нахожу собственный дом, в котором живу с самого рождения. Но нет, здесь другой случай. на собеседовании я была именно в этом здании и, кажется, именно в этом кабинете. И потом, на здании, куда я только что вошла, среди прочих табличек красовалась и большая латунная с надписью «Ночной гламур». Так что перепутать адрес я никак не могла. А вдруг я перепутала этаж?

Пока я в панике металась по коридору, в нем наметилось

некоторое оживление. Одна девица молчаливой тенью проскользнула мимо меня, я погналась было за ней. Но она нырнула в какую-то дверь, а я не заметила, в какую. Ломиться во все двери в длинном коридоре я не решилась, и вновь вернулась к кабинету, опознанному мной как редакторский. Мне повезло, на сей раз дверь оказалась полуоткрытой. Я постучалась и, не дожидаясь ответа, нырнула внутрь.

За полукруглым столом, на котором гудел супернавороченный компьютер, сидела редакторша Стелла, модно одетая высокая дама, похожая одновременно на Людмилу Гурченко и Марлен Дитрих. Ее лицо с туго натянутой бледной кожей и впалыми щеками казалось слегка неземным, инопланетным, к тому же тонкие изогнутые брови придавали ей некую загадочность. Еще на собеседовании девочка из соседней редакции по секрету сказала, что приподнятые брови, впалые щеки и натянутая кожа Стеллы – результат двух пластических операций, а в молодости редакторша выглядела слегка иначе. Так это или нет, я не знала, и обсуждать эту тему тоже не хотела. Кто знает, на что решусь я лет этак через...дцать? Со спины Стеллу вполне можно было принять за двадцатилетнюю, но при ближайшем рассмотрении возраст себя выдавал. Она удивленно приподняла тонкие брови:

– Милена? Почему так рано? Планерка начинается через десять минут.

– Извините, не хотелось в первый же день опаздывать... – залепетала я, но Стелла перебила:

– Вообще-то, у нас все всегда опаздывают. Ты тоже со временем научишься. – одним уголком рта улыбнулась Стелла. – Садись, скоро остальные соберутся.

На дрожащих ногах я добралась до одного из десятка стульев, стоящих вдоль стены, и тяжелым кулем плюхнулась на него, с опаской косясь на дверь. Вот-вот в нее войдут мои будущие коллеги, те, чьими творениями я зачитывалась вот уже полгода – с того момента, когда был создан этот журнал.

Особенно мне хотелось увидеть автора эротического дневника под названием «Да здравствует секс!». Свои эротические приключения девушка Нателла описывала с огоньком, и неизменно находила живой отклик в моей душе. Правда, саму рубрику я бы с удовольствием переименовала бы в «Большой облом, или Полковника никто не хочет». Еще до прихода в журнал я долго рассматривала глянцевую фотографию эротоманки Нателлы и недоумевала – такая шикарная девица, и так не везет с мужчинами! Роскошные мачо с завидным упорством отвергали ласки соблазнительной красавицы, даже не утруждая себя объяснениями. Перевелись в городе настоящие мужики, вслед за Нателлой сокрушалась я. Если уж на этакую красоту не клюют, на что тогда рассчитывать мне, совсем обыкновенной?

Между тем, народ потихоньку подтягивался, в кабинет редактора набилось уже около десятка журналистов, но Нателлы среди них не было. А я так мечтала наконец-то увидеть гламурную красавицу живьем! Наверное, отправилась

на очередной любовный подвиг, с сожалением подумала я. Или провела слишком бурную ночь, пытаясь соблазнить очередной стойкий орешек. Мой взгляд задержался на симпатичной сероглазой блондинке с доброй сотней мелких длинных косичек. Возможно, на самом деле косичек было чуть поменьше, но в общей массе они выглядели эффектно. Я пристальнее всмотрелась в блондинку – вдруг это сменившая имидж Нателла? Нет, вроде не похожа...

Рядом с эффектной блондинкой сидело нечто лысое. Слегка прищурившись, я разглядела, что это девушка в узких очках с тонкой металлической оправой. Лицо у нее было скуластым, с маленьким вздернутым носиком, череп слегка удлинённой формы, и, похоже, не просто выбритый, а тщательно отполированный. Мне даже почудилось, что на нем играют блики от хрустальной люстры. Мне стало неудобно пялиться на девушку, я отвела взгляд и встретилась глазами с симпатичным темноволосым пареньком, который тут же мне нахально подмигнул. Я невольно отвела взгляд, но, не выдержав, вновь украдкой покосилась на паренька. Он смотрел на меня во все глаза и широко улыбался во все тридцать два зуба. Интересно, залюбовался на мою красоту, или просто ему нравится все красное? Я быстро показала ему язык и выпрямилась, сложив руки на голых коленках.

Редакторша Стелла отпила минералки из стоящего перед ней стакана, достала из-под стола полулитровую пластиковую бутылку «Эвиан», с некоторым усилием отвинтила

крышку и долила стакан доверху. Поставив бутылку обратно, она обвела грозным взглядом присутствующих и с явной угрозой в голосе пропела:

– Ну что же, кажется, все собрались, пора начинать. Так как, Нателлочка, будем писать очередной опус или мне глазки строить?

Я покосилась на дверь – но она по-прежнему оставалась закрытой. В ошеломлении я лихорадочно завертела головой. Между тем на призыв Стеллы откликнулась девица, сидевшая у противоположной стены. Тоненьким голосочком она пропищала:

– Стелла, мне еще тысячу знаков дописать осталось! Через час сдамся.

Я почувствовала, как челюсть опускается к полу, и проворно поймала ее ладонью. Меньше всего сидящая напротив девица походила на свою фотографию. Стянутые в тугой пучок, какие-то серые, будто покрытые пылью волосы, небольшие, чересчур близко посаженные глазки были так жирно обведены черной подводкой, что казались вдвое меньше положенного. Сильно размалеванные, похоже, черной гуашью брови нависали над глазками, придавая девице угрюмый вид пещерного человека. Узкие прямые губы выделялись на бледном лице, как две кровавые полосы. Если бы я встретила эту девушку поздним вечером в безлюдном переулке, пожалуй, осталась бы на всю жизнь зайкой.

Между тем редакторша переключилась на блондинку с ко-

сичками:

– Танюша, а с вашим материалом что делать будем?

– Стелла, я от него отказываюсь! – с вызовом заявила блондинка. – Что я, рыжая, что ли? Прихожу к этим куклам размалеванным в дом, так они меня на кухню ведут! Для гостинной я, понимаете ли, рожей не вышла! Да я в сто раз красивее любой из этих престарелых Барби!

– Теперь я понимаю, почему ты сменила за год два места работы. – вздохнула редакторша. – Ты мои задания не собираешься выполнять в принципе?

– Да всего одно не выполнила! – темпераментно воскликнула блондинка. – Зато у меня уже две таких темы на примете – закачаетесь!

– Ладно, после планерки поговорим. Сейчас, дорогие мои коллеги, я хочу представить вам нашу новую сотрудницу... Миленочка, покажись людям!

Я вздрогнула, затравлено оглянулась по сторонам, затем слегка приподнялась со стула, глядя строго на свои сапожки, быстро мотнула головой и плюхнулась обратно.

– Милена Ленская, прошу любить и жаловать. Она пока у нас внештатницей поработает, а там поглядим. – пояснила Стелла. – Вот статья о сумках и станет твоим первым заданием. Таня, после планерки введи ее в курс дела.

Народ вскочил и бодро потянулся к выходу. Я опять задержала взгляд на Нателле. На ней была длинная коричневая кожаная юбка, закрывающая щиколотки и оставляющая

открытыми только концы острых черных туфель. Низ юбки был выполнен в виде ажурных кружев. Темно-зеленая блузка навывпуск из плотного шелка не слишком гармонировала с миди-юбкой по цвету, зато по форме сливалась с ней в единый монолит и придавала наряду трогательный вид противотанкового чехла. Я пыталась хотя бы приблизительно представить, какая у Нателлы может быть фигура, но мое богатое воображение на сей раз меня подвело. Единственное, в чем я могла быть уверена – что девушка была довольно худой, но вот что скрывал противотанковый чехол – стройную модельную фигуру или плоскую доску с кривыми, как у кавалериста, ногами – я догадаться так и не смогла.

От разглядывания фигуры Нателлы меня отвлек звонкий девичий голосок:

– Лена, привет! Или ты Мила? Стелла велела передать тебе мои сумки, пошли в кабинет, я тебе о них расскажу.

Блондинка с длинными прямыми волосами, в облегающих джинсах, расшитых оранжевыми цветами и птицами, бодренько побежала вперед, звонко цокая шпильками. Я засемила за ней, на ходу сообщая, что меня можно звать Леной. И как этой ей удастся так быстро бежать на каблучках? У меня такой трюк никогда не удавался, моя походка на шпильках напоминала моряка, впервые сошедшего на берег и пребывающего в постоянном ожидании шторма, поэтому я с джинсами предпочитала кроссовки, и всегда тратила массу времени на то, чтобы подобрать в магазинах мод-

ные босоножки с плоской подошвой. Но в таком журнале стыдно быть белой вороной, придется брать уроки хождения на шпильках. Тем временем, мы уже вбежали в кабинет, где, кроме нас, пока никого не было, хотя, судя по количеству включенных компьютеров на столах, здесь работали еще четыре человека.

– А где народ? – спросила я у остановившейся возле одного из столов блондинки.

– В кафе пошел. Оно в этом же здании, только в подвале. – пояснила блондинка. – Так что полчаса времени у нас есть, никто не помешает. Вот, смотри! – она открыла лежащую на одном из стульев розовую бархатную сумочку, и достала оттуда пачку фотографий. – Вот про эти сумки ты будешь писать.

Я с недоумением смотрела на несколько разложенных веером цветных снимков. Это были фотографии довольно крупных сумок, серых, бежевых, синих, черных и коричневых, очень похожих на ту с которой моя мама долгие годы отправлялась на рынок. Правда, пару лет назад у старушки, верой и правдой служившей нам долгие годы, оторвалась одна из ручек, и мы без сожалений выкинули ее на помойку. Может, мы погорячились?

– Это сумочки Биркин Баг. – протараторила Таня. – Тебе нужно написать статью «Сумка как пропуск в светское общество». Типа, если у кого нет такой вот сумки, это не настоящая леди, и в высшем свете ей делать нечего.

– Боже мой, куда же можно вот такое взять? – вырвалось у меня.

– На любой прием. – снисходительно пояснила Танюша. – Берешь вот такую сумочку, помахиваешь ей перед носом у присутствующих, и они понимают, что ты очень богата, и деньги у тебя изо всех мест сыплются. Смотрела «Секс в большом городе»? Там Саманта заказала одну из таких сумок и полгода ждала, когда ее доставят. Ее еще не всем продают, я тут таких историй наслушалась! Вот эта сумка, насколько я знаю, стоила своей хозяйке 67 тысяч долларов, эта – всего лишь 48, а цена вот этой доходит до 80-ти тысяч.

Я взяла в руки три снимка. Черная сумка была как две капли воды похожа на ту, которые десятками продавала на Центральном рынке, бежевая была просто сестрой-близнецом безвременно почившей маминой хозяйственной сумки, лишь красная выглядела слегка наряднее. Мама родная, к какому же наряду можно носить этакую красоту?

– А почему они такие дорогие? Она из человеческой кожи? – не удержалась я от следующего вопроса.

– Они из телячьей, а иногда и крокодиловой кожи, на каждую сумку нужно два крокодила. – вновь затараторила Танюша. – Названа в честь актрисы Джейн Биркин. Фурнитура из золота, сумку надо специально заказывать в одном из бутиков, они еще долго проверяют, в состоянии ли ты оплатить такую дорогую покупку, затем надо полгода ждать, ну и дождешься.

– А почему нельзя купить точно такую же сумку на базаре, и не истреблять крокодилов? – заинтересовалась я.

– Наверное, можно. – пожала плечами блондинка. – Если ты вся из себя в мехах и бриллиантах, то все поверят, что это оригинальная Биркин. Но тебе придется идти к таким тетям, которые на базаре подделку не купят.

– А если у них все же подделка? – не унималась я.

– Ну не знаю. Да какая тебе разница, ты же не журналистское расследование ведешь, а репортаж о красивой жизни пишешь! – рассердилась Таня. – Пиши: «Никогда не видела этакой красоты. От зависти у меня загорелись глаза, я осторожно протянула руку и ласково погладила сумочку по мягкому кожаному боку. О, если бы у меня была такая же, я была бы на седьмом небе от счастья!» Вот, учись, пока я добрая! Запиши телефоны четырех клиенток, счастливых обладательниц замечательных сумок, и вперед! Кстати, вот тебе еще один добрый совет: начни опрос с Валерии Никольской. После этой крашенной выдры все остальные сумочницы покажутся тебе сущими ангелами.

– Ладно, Таня, я все поняла. – вздохнула я. – Такая сумка как нельзя лучше подойдет к тону моих волос. Скажи мне лучше, кто тот темноволосый мальчик, который сидел рядом с лысой девицей?

– А, ты тоже на него запала! – хохотнула Танюша. – Да не красней ты, не ты одна. Это наш местный Ромео. Или Казанова? В общем, все наши девчонки на него стойку

делают.

– Так все же, кто он?

– Фотограф наш, Рома Свиридов. Красивый мальчик, не спору. Хотя, на мой взгляд, молоденький слишком. Впрочем, я и сама... Но у него маманя сумасшедшая абсолютно. Она подруга нашей Стеллы, вот и пристроила сыночка к нам в журнал. Правда, мальчик снимает и правда неплохо, но и платят ему, как опытному зубру, а он еще так, учится только.

– Так что с его маманей? – я попыталась вернуть Таню к нашим баранам.

– Да ну, чокнутая, сама ее как-нибудь увидишь, она регулярно к нам навевается. За моральным обликом сыночка следит. Как-то раз увидела, что он со мной в коридоре обжимается, какой хай подняла! «Как ты мог! С простолюдиной! Не смей меня позорить!» В общем, я бежала, как будто за мной целая банда гналась.

– А он что?

– А он только смеется, будто комедию ему показали. Да ему-то что, он привык уже, а вот я решила – лучше от него подальше держаться.

– И наша редакторша дружит с сумасшедшей? – работа в журнале перестала казаться мне такой уж привлекательной.

– Да эта мадам Свиридова, вообще-то, бизнесвумен, алкоголем торгует. Ее муженька несколько лет назад пристре-

лили, так мадам не растерялась, всю алкогольную торговлю взяла в свои мощные руки. Уж как компаньоны хотели у нее все отнять – фигушки, мадам железной оказалась. Она и нашему журналу огромную рекламу дает. Да что там, я думаю, она единственная, кто нам дает рекламу. Так что с нее и наш издатель, и наша редакторша пылинки сдувает. В принципе, она и в общении не выглядит психанутой, главное, к ее сыночку не лезть.

– Ты ее испугалась? – мне почему-то захотелось слегка уколоть надменную красотку.

– Я? Ее? Нет, что ты, – мило улыбнулась Танюша. – Просто с Ромкой у меня так, несерьезно было, чтобы навек не потерять. Я, ты думаешь, ля чего в этот журнал пошла? С разными придурочными бабенками про их уродские сумки беседовать? Фигушки! Тут можно с такими крутыми мэнами познакомиться на разных приемах и презентациях! В принципе, это единственный способ с ними познакомиться. А где еще? Серьезные бизнесмены на ночные дискотеки не ходят, не по статусу, в Интернете они тоже не сидят, вот я и нашла к ним свою лазейку.

– И как успехи? Со многими познакомилась? – я уже не ехидничала, и спрашивала из чистого любопытства. Но Танюша почему-то обиделась.

– И познакомилась. – жестко сказала она. – С двумя. А с кем, тебе не скажу.

– Да я тебе и так верю. – поспешила успокоить я. –

Мне и самой бы неплохо с кем-нибудь познакомиться...

– С твоей шевелюрой? – фыркнула Таня. – Ты обратись к Муле, она для тебя клевый имидж придумает. Вот тогда и дерзай.

– Кто такая Муля?

– Наша стилистка. Да ты ее сегодня видела, она совсем лысая, мимо глаз не пропустишь.

– Она, чего доброго, и меня побреет?

– Ты думаешь, тебе это повредит? – откровенно рассмеялась Танюша. – Нет, дорогая, с твоей шевелюрой побриться – это лучшее, что ты можешь сделать.

Глава 2

Весь вечер я провела в Интернете, изучая все, что только можно было узнать о злополучной модной сумочке, а на завтра ровно в полдень позвонила в обитую серой кожей дверь старинного кирпичного дома в тихом центре. Мне открыла дверь пожилая женщина в коричневом платье. Критически окинув взглядом мои джинсовые брючки-бермуды и джинсовый топик, больше похожий на широкий лифчик, она, не говоря ни слова, отступила на пару шагов и жестом показала мне куда-то налево.

Я обвела глазами огромный холл, устланный, судя по всему, дорогим паркетом, и бесчисленное количество дверей, куда-то ведущих. Невольно мне вспомнилось булгаковское четвертое измерение – нет, ну вот скажите, откуда в стандартной квартире дореволюционного дома может быть такое количество комнат? Правда, я уже не застала советские коммуналки, возможно, десяток комнаток на одну квартиру не так уж и много, но тут дверей никак не меньше двадцати...

Тем временем женщина в коричневом двинулась в указанном ею же направлении, и я поспешила за ней. Через полминуты я оказалась в большом зале, судя по встроенной мебели и каким-то вполне космическим агрегатам, это была кухня. Молоденькая девушка с ослепительно белыми, какими-то

кукольными роскошными локонами до талии небрежно кивнула мне из-за настоящей барной стойки. Ее нижняя половина была надежно скрыта нижней частью бара, и я видела лишь белоснежный верх трикотажного облегающего платья. Но и верхняя половина впечатляла. Бюст у девушки был минимум четвертого размера, талия на его фоне казалась просто осиной. Большие голубые глаза с неправдоподобно черными длинными ресницами, не мигая, уставились на меня.

– Вы официантка? – обратилась я к девушке. У той отвалилась челюсть, а женщина в коричневом мгновенно испарилась из кухни.

– Вы хотите меня оскорбить? – сварливо взвизгнула наконец пришедшая в себя девица. Ее глаза сузились и превратились в узкие черные щели. – Я не понимаю, кого ваш журнал все время присылает! В прошлый раз какая-то кикимора пожаловала, так посередине разговора вдруг вскочила и ушла! Теперь вы! Я жаловаться буду вашему руководству!

– Вы Валерия Никольская? – догадалась я. – Извините, просто вы стоите за барной стойкой, вот я и подумала...

– Я не стою, я сижу за стойкой! – еще больше обиделась девица и ловко прокрутилась вокруг своей оси. – И потом, вы что, мою фотку в журналах никогда не видели?

– Там вы по другому одеты. – попыталась оправдаться я. По правде говоря, я никогда не разглядывала фотографии в глянцевах журналах, и уж тем более не пыталась запоминать лица. Вообще, про Леру Никольскую я помнила толь-

ко то, что она дочка очень богатого бизнесмена, который пять лет назад развелся с ее матерью, и теперь замаливает перед дочерью свой грех, покупая ей баснословно дорогие наряды, машины и даже дома.

– Нет, ну какое хамство! – порыв гнева уже иссяк, и девица ныла больше по привычке. – Прийти в приличный дом, и не узнать хозяйку!

Я лишь тяжело вздохнула, огляделась по сторонам и, не дожидаясь приглашения любезной хозяйки, села на стоящую перед баром замшевую кушетку на металлических ножках. Затем достала из джинсового рюкзака маленький цифровой диктофончик, выданный редакцией, и наставила его на ярко окрашенный блестящей розовой помадой ротик девицы.

– Валерия, читающая публика с нетерпением ждет рассказа о вашей замечательной сумочке Биркин Баг! – с пафосом произнесла я, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

– О какой именно? – ледяным тоном спросила девица.

– О черной. – с ходу произнесла я, пытаюсь сообразить, сколько же сумочек в коллекции Никольской. Должно быть, Танюша меня проинформировала об их количестве, а я по рассеянности прослушала или просто забыла.

– Черной Биркин у меня нет. – отрезала Валерия.

– Как? У вас нет черной Биркин? – я в ужасе схватилась за голову. – Валерия, как вы можете такое говорить? Да если бы мое руководство знало, что у вас нет этой сумки, ме-

ня бы к вам не послали! Что же теперь делать?

– А зачем тебе черная? – с легкой растерянностью в голосе спросила хозяйка. Я с удовольствием заметила, что, несмотря на переход на «ты», надменности у белокурой Леры сильно поубавилось.

– Так это же хит нынешнего сезона! – уверенно ответила я. – У банкирши Томилиной уже две черные сумки. На первый взгляд, даже не отличишь, но, если присмотреться, можно обнаружить целых пять отличий! И в логотипе, и в той коже, которой отделан замочек на пряжке, и в креплении ручек. Она даже конкурс решила провести – тот, кто найдет эти пять отличий, получает трехкратное бриллиантовое кольцо. Я понимаю, две сумки – не каждому по карману, но не иметь ни одной!

– Можно подумать, у тебя хоть одна есть. – фыркнула девица.

– Если бы у меня была хоть одна, не у вас, а у меня журналисты брали бы интервью. – четко выговорила я. – Так, Лера, что делать будем? Сумки-то модной у вас нет?

– А вот эти что, не годятся? – чуть ли не со слезами девица выставила на барную стойку четыре сумки из грубой кожи – серую, коричневую, бежевую с коричневой отделкой и темно-синюю. – Они стоили целое состояние!

Я потрясла головой, затем протянула руку и потрогала совсем не такой уж мягкий кожаный бок. Ну и как отличить эти произведения искусства от базарного варианта? Нет, мне та-

кое точно не под силу.

– Ладно, расскажите про синюю. А коричневую спрячьте, это моветон! С такой уже год никто на людях не показывает. – скомандовала я. Как ни странно, девица послушалась. Она быстренько убрала с моих глаз забракованную сумку, подвинула ко мне синюю и начала рассказ:

– Вот эту сумку я купила в Париже, в бутике «Гермес». Когда я зашла туда, ко мне сразу кинулась продавщица. Я сказала, что хочу оранжевую сумочку, но мне ответила, что на нее запись на год вперед. Но мне повезло – полгода назад заказ на темно-синюю сумочку сделала одна скандинавская принцесса. Сумочку месяц назад изготовили и привезли в бутик, принцессе послали уведомление, и она собиралась тут же вылететь в Париж, но случилось ЧП – у принцессы заболел маленький сынишка, и в расстройстве она позабыла о сумочке! «Гермес» вежливо напомнил принцессе, что сумку пора забирать, но она с расстройства даже не откликнулась. И компания решила в наказание забывчивой принцессе и в назидание остальным клиенткам продать синюю Биркин Баг первой же состоятельной даме, которой захочется эту сумочку иметь. Вот так я стала обладательницей своей первой Биркин Баг! – радостно закончила Валерия.

Что-то мне эта история живо напомнила, но я не сразу сориентировалась в завалах памяти. Только через минут десять, когда я слушала рассказ о третьей, бежевой сумке, я наконец вспомнила – да, очень похожую историю я когда-то

читала у О,Генри в сериале «Трест, который лопнул». Только там речь шла о картине с танцующими девушками. Продавец небольшого магазинчика долго набивал цену этой картинке, даже отказывался ее продавать, а когда, наконец, герои купили это великое произведение искусства по бешеной цене, оказалось, что танцующие девицы продаются во всех соседних супермаркетах. Похоже, книга О Генри является настольным произведением у очень многих продавцов модных товаров. Однако, интересно, насколько тяжелое это занятие – разводить богатых и наивных клиентов? Или это легче, чем отнять конфетку у ребенка?

– Ты сама красите волосы? – внезапно спросила девица, закончив рассказ о последней, четвертой сумке, которую вновь достала из-под прилавка, пардон, из-под барной стойки.

– Вам нравится? – я жеманно выгнула спину и лениво провела рукой по волосам. – Новый тон, самый модный в этом сезоне. Гелиевую краску специально завезли небольшой партией из Парижа. Хорошо, что у меня в салоне красоты блат. Мастера ни за какие деньги на такую покраску с улицы не берут, у них запись на полгода вперед.

– И какой же это салон? – у роскошной девицы загорелись глаза.

– Ох, ну что вы, вам туда не попасть, я сама четыре месяца ждала. – продолжала ломаться я. – Туда такие люди записаны, о! – я закатила глаза к потолку.

– Скажи название! – потребовала девица.

– Да вы что, меня мастер убьет! – ужаснулась я. – Я же говорю, очередь на полгода вперед! Меня по большому благу взяли! А к оплате принимают только кредитную карточку.

– Ты что, думаешь, у меня кредитки нет? – не на шутку рассердилась девица.

– Да вы не злитесь так, я просто подумала – может, у вас лимит закончился... – нерешительно проговорила я. – Вот сумочка у вас Биркин, сами говорите...

– У меня не одна сумочка Биркин! – нервно воскликнула девица. – У меня их четыре!

– А в Милане на показах мод никого с Биркин не было. Даже с черной, хотя это, конечно, совсем другое дело. Но и она все равно для дамочек попроще. Нет, ну если денег мало, то конечно...

– Что же носили в Милане? – пыталась ехидно улыбнуться девица, но я видела, что она несколько обескуражена.

– Рюкзатон! – неожиданно даже для себя самой выпалила я. – Самая продвинутая модель, от Армани. На вид обычный брезентовый рюкзак, но на деле – кожа гремучей змеи, на нее вместо чешуи нанесена позолота, а вместо застежки – крошечная головка гадюки из чистого золота! И два глаза – один рубин, другой – изумруд. Кстати, именно по глазам можно отличить подделку. К примеру, если оба глаза изумрудных, то это Польша, если рубиновых – Китай.

– И у тебя такой есть? – недоверчиво сощурилась девица,

критически оглядывая мой джинсовый прикид.

– Нет. – смущенно призналась я. – Я все деньги, которые год на Рюкзатон копила, позавчера на стрижку с модной покраской потратила. Теперь мне еще Бог знает сколько копить придется...

– Немедленно скажи название салона, иначе я пожалуюсь твоему руководству! – грозно произнесла девица, сдвинув тонкие подведенные бровки.

– Сдаюсь, пусть будет по-вашему. – подняв обе руки вверх, с тяжелым вздохом произнесла я. – Салон «Феникс», краска номер 476. Только вы, уж пожалуйста, на меня не ссылаетесь, а то в следующий раз меня на покраску вообще не возьмут.

Глава 3

– Да ты что, так и сказала: Рюкзатон? – заливалась хохотом Таня. – С головой гадюки? А потом назвала ей свой салон? Ой, мамочки, не могу, я сейчас подохну! Нет, ты только представь, как будет прикольно, если ее там в красного ежика превратят!

– Вряд ли, у нее такие красивые локоны, она их пожалеет... – неуверенно произнесла я.

– А чего жалеть-то, это же не родные, годами отращиваемые, она еще месяц назад была почти лысая, как наша Муля. А потом раз-два, и локоны до попы.

– То есть как?

– Да нарастила их, это сейчас несложно, хотя и дорого. О, Романчик, привет, дорогой! – увидев вошедшего парня, Танюша мгновенно начала жеманничать. – Ты слышала, какую штуку Ленка выкинула? О, Муля, послушай и ты!

Через пару минут вся наша кабинетная компания заливалась веселым хохотом. Я в лицах пересказывала наш с Лерой диалог, Танюша и Роман комментировали, а Муля просто истерически хохотала, держась за живот. С опозданием зашедшая Нателла вначале подумала, что смеются над ней, и добрых полчаса помирающая от нового приступа истерического хохота Танюша успокаивала обидчивую журналистку. Наш хохот прервала заглянувшая в кабинет Стелла:

– Так, я вижу, работа идет полным ходом, просто кипит!

Милена, радость ты моя. Где материал о сумочках?

– Стелла, я успела взять интервью лишь у Валерии Никольской и Тамары Шкрягой, этого же мало для полноценной статьи?

– Конечно, мало. У тебя же были адреса четырех владельцев сумок, почему же интервью только два?

– Да я на каждую по полдня потратила!

– Тогда почему ты сейчас в редакции, а не у очередной сумковладелицы?

– Да я на минутку заскочила! – засуежилась я. – Мне нужно было у Танюши проконсультироваться, я уже бегу...

– Так, уже никто никуда не бежит. – скомандовала редакторша. – Всем стоять, бояться! Ребята, атас, к нам полиция пожаловала.

Я застыла с поднятой ногой, Роман удивленно присвистнул. Танюша и Муля проявили умеренное удивление, одна Нателла громко возмутилась:

– А причем тут полиция, у нас гламурный журнал!

В этот момент, вежливо подвинув Стеллу, в кабинет вошел невысокий мужчина в форме:

– Капитан Стройкин! – представился он. – Ребята, простите, что помешал творческому процессу, но мне необходимо с вами поговорить. Вы сможете освободить мне кабинет, и заходить сюда по одному?

– А что, нас в чем-то подозревают? – вежливо осведомил-

ся Рома.

– Нет, что вы, что вы! – мне показалось, что капитан сейчас зашаркает ножкой. – Обычный опрос свидетелей. Работа такая, знаете ли.

– А давайте мы все вместе будем отвечать. То есть я бы, конечно, вышел бы из кабинета, я совершенно нелюбопытный мужчина, но вот наши прелестные барышни просто помрут от любопытства, если вы их отстраните от беседы.

Капитан Стройкин тяжело вздохнул.

– Ладно, опустим формальности. Я вот по какому делу. Примерно месяц назад у вас в редакции произошел скандал...

Скандал для нашего журнала был нетипичным. Вообще-то, «Ночной гламур» задумывался как издание про красивую светскую жизнь, про свадьбы, презентации и открытия модных выставок и бутиков. Но, как известно, богатые не только смеются и женятся, но и плачут, дерутся и разводятся. Вот и красивая пара: некрупный бизнесмен Стас Федорчук и ди-джей местного радио Ксения Рогалик, с шиком отпраздновав очередной юбилей Ксении, внезапно решила развестись. Юбилей отмечался с истинно новорусским шиком и подробно освещался на страницах «Ночного гламура», Поэтому, когда через пару недель в кабинет к Стелле ворвался разъяренный Федорчук, редакторша даже не сразу поняла, о чем он говорит.

Оказалось, Федорчук застал свою красивую супругу с лю-

бовником, и теперь жаждет мести. Нет, не просто развода, а публичной порки неверной жены. Он хотел дать «Гламуру» большое интервью, где подробно рассказал бы о всех грехах, которые водились за Ксенией. Стелла пыталась отговорить рогатого бизнесмена от публичного разбора полетов, но он был непоколебим в своем упорстве. Не встретив понимания у Стеллы, он дошел до издателя журнала, и сумел-таки уговорить, что выплеснуть на страницы глянцевого журнала подробности семейного скандала. Отчаявшись помешать жуткой глупости, Стелла решилась на отважный шаг. Она позвонила Ксении Рогалик и сообщила ей, в какое время ее супруг придет в редакцию журнала давать интервью.

Подробности встречи двух супругов в редакции помнили до сих пор. Брать интервью с Федорчуком поручили Танюше. Скандалы она любила, и согласилась с удовольствием. Грузный Стас Федорчук ввалился в кабинет, вытер со лба пот и громко сказал Тане:

– Девушка, вы меня, главное, не перебивайте. Эй, юноша! Снимать меня не надо! Потом снимешь, слышал?

Роман послушно опустил камеру, Муля и Нателла отвлеклись от компьютеров и во все глаза уставились на мужика.

– Значит, так. Ксана и раньше мне изменяла, но я ее за руку еще ни разу не ловил. Да, пару раз поколотил для остротки, но ведь не поймана – не вор, верно? Но теперь. Раз такое дело, вы напишите: изменяла мне с пятью мужиками. Но я, как благородный, все ей прощал. Но теперь, когда я увидел

ее в нашей супружеской кровати... – он набрал в легкие побольше воздуха и сделал драматическую паузу, которой позабавился бы любой профессиональный актер.

Танюша кивала, включив диктофон и сдерживая смех. Но ей так и не удалось узнать, чем закончилась поимка жены в супружеской кровати Федорчука. В тот момент, когда Федорчук приготовился поведать ей об этом, дверь кабинета рывком распахнулась, и внутрь вихрем влетела невысокая хрупкая черноволосая женщина, следом за которой, буквально наступая ей на пятки, двигался двухметровый громила. Женщина подлетела к сжавшемуся бизнесмену, схватила его за отвороты пиджака и истошно заорала:

– Ах ты мразь, хочешь грязное белье на всю страну полоскать?

Федорчук рывком оттолкнул жену, ее ловко подхватил громила, осторожно поставил на ноги и двинулся к отскочившему к стене Федорчуку. Прижав бизнесмена к стене, громила аккуратно заломил ему обе руки за спину, и свободной левой рукой начала методично бить по щекам.

– Так ему, гаду! Всю жизнь мне испортил! Дай ему хорошенько! – надрывалась Ксения. – Девушка, это вы интервью брали?

Насмерть перепуганная Танюша отрицательно замотала головой, опасаясь, что сейчас громила переключится на нее. Но Ксения задумала другое.

– Сейчас мы вышвырнем отсюда это чмо, и вы возьмете

интервью у меня! – безапелляционно сообщила ей Ксения. – Я вам расскажу всю правду о нашей супружеской жизни!

Громила приподнял Федорчука за воротник пиджака, подтащил к открытой двери и, слегка покачал тело бизнесмена в воздухе, с размаху вышвырнул в коридор. Ксения тем временем уселась на стул рядом с Таней. Остальные свидетели этого действия смотрели на них вытаращенными глазами.

– Девушка, включайте диктофон! – приказала Ксения. – Значит, так. Этот гад мне регулярно изменял. А когда я пыталась протестовать, он меня избивал! Вот, у меня есть справка, всего за полгода шесть синяков и три перелома. – Она достала из сумочки какую-то бумажку и положила перед ошарашенной таким напором Танюшей.

– Однажды я все же дала ему сдачи. Тогда он повалил меня на нашу постель и начал душить. Вот еще справка. – она с торжеством вынула из сумочки еще одну бумажку.

– Она все врет! – проблеял из коридора Федорчук. – Это она мне изменяла!

Громила усмехнулся и отправился в коридор. Блеющий голос мгновенно замолк, раздался жуткий топот – Федорчук со всех ног улепетывал по коридору.

– Я дважды попадала с побоями в больницу. Но в полицию не обращалась – ведь я любила этого подонка! – она театрально всхлипнула. – Но теперь моему терпению пришел конец. Я подаю на развод. И пусть не думает, что сможет отобрать у меня бизнес! Это я создала его фирму, и я наме-

рена добиться справедливости. Так и напишите – фирма достанется мне! – она снова потрясла обеими справками, кивнула Танюше и удалилась. Охранник последовал за ней.

– Ух ты, какая дамочка! – присвистнул Роман. – Вот кому надо вести эротический дневник.

– Это ты на что намекаешь? – мгновенно завелась Нателла. – Что я его плохо веду?

– Хорошо, солнышко, но темперамента тебе явно не достаёт. – грустно констатировал Роман.

– Предпочитаешь стерв? – заинтересовалась Муля.

Но ответить Роман не успел – в кабинет снова влез Федорчук. Толстые щеки бизнесмена налились синевой, губы дрожали, вены на лбу вздулись. Войдя в кабинет, он пошатнулся и чуть не упал на пол. Роман бросился к нему и помог добраться до стула, Танюша вскочила и начала махать на Федорчука свежим номером «Гламура», а Муля кинулась к нему с бутылкой минералки.

– Спасибо, девочка. – с трудом ворочая языком, прошептал бизнесмен, достал из кармана пиджака пластиковую бутылочку с желтоватой этикеткой, открыл ее, вытряхнул на ладонь небольшую белую таблетку и положил под язык. – Сейчас, сейчас полегчает.

Через несколько минут он действительно стал выглядеть лучше.

– Обзидан. – пояснил он ничего не спрашивающей Танюше, – Вот, ношу с собой. Когда понервничаю, давление ска-

чет, сердце из груди выпрыгивает. А с этой стервой вообще без таблеток помер бы давно.

Он еще немного посидел с закрытыми глазами, затем окончательно пришел в себя.

– Так, на чем мы остановились? – как ни в чем не бывало спросил он у опешившей Тани. – А, помню, я начал рассказывать, как поймал Ксану в своей постели с чужим мужиком.

Девушка в ужасе покосилась на дверь, ожидая нового нашествия Ксении с громилой. Но из коридора не доносилось ни звука. Слегка успокоившись, Танюша вновь включила диктофон. Записала мелодраматический рассказ, выслушала заверения Федорчука в том, что «При разводе эта стерва не получит ничего!», поблагодарила за содержательное интервью и с облегчением проводила скандального бизнесмена до выхода из редакции. Затем пошла посоветоваться со Стеллой – как быть со статьей? Если в журнале появится хоть слово плохое про Ксению, где гарантии, что та не взорвет редакцию?

Стелла тут же позвонила издателю, и выяснилось, что концепция уже изменилась. Ксения со своим громилой как раз сидела в издательском кабинете, и теперь издатель приказал печатать только ее точку зрения. Редакторша так и поступила. Таня подготовила ей небольшую заметку про страдания знаменитого ди-джея Рогалик, Стелла поставила заметку в очередной номер и велела охраннику, сидевшему внизу здания, не пропускать в редакцию Стаса Федорчука.

Для верности она даже повесила на посту охраны его цветное фото. Федорчук пару раз рвался в журнал поскандалить, но охрана держалась стойко, и бизнесмена каждый раз после громкого спора осторожно выкидывали на улицу.

А еще через неделю наступила неожиданная развязка. На роскошном приеме в Доме Трубецких, устроенном по случаю дня рождения одной из светских львиц, Ивонны Томиленко, бывшие супруги встретились. Мадам Томиленко даже на допросе не смогла объяснить, как это произошло. Да, она приглашала на свой день рождения Ксению Рогалик, но никак не Стаса Федорчука. Тем не менее, он туда пришел. Увидев его тусующимся среди гостей, Ивонна перепугалась было, что прямо на ее глазах разыграется безобразный скандал, но, очевидно, на Федорчука произвел неизгладимое впечатление двухметровый охранник, по-прежнему маячивший за спиной Ксении. И вечеринка до поры до времени проходила в тишине и покое.

В конце праздника мадам Томиленко, совершенно успокоившись, решила сама поговорить с Ксенией, разузнать подробности семейного скандала. Ей двигало обычное женское любопытство. Она глазами поискала Ксению, но той нигде не было видно. Она пару раз обошла весь зал – но диджей как сквозь землю провалилась. Но не могла же она уйти, не попрощавшись с хозяйкой! По крайней мере, Ивонна не могла допустить такой мысли. Она решила во что бы то не стало отыскать Ксению, видимо, та отправилась осматри-

вать другие, закрытые для гостей помещения отлично отретаврированного Дома Трубецких. Ивонна обошла все залы, куда смогла попасть, полюбовалась великолепной росписью потолков и роскошными позолоченными люстрами, но вот госпожи Рогалик там не оказалось.

Ивонна Томиленко вернулась в главный зал, осмотрелась и обнаружила, что господина Федорчука тоже нет среди гостей. Тут она увидела стоящего в одиночестве огромного охранника Ксении, и сердце в первый раз кольнуло иголки тревоги. Куда же подевалась его подопечная? Она подошла к охраннику и прямо спросила его об этом. Громила с беспокойство поглядел на нее и сообщил, что минут пятнадцать назад Ксения проследовала в женский туалет, и с тех пор все не выходит. Он уже стучал в дверь, но войти внутрь ему воспитание не позволяет. И не будет ли мадам Томиленко так любезна, что сама войдет в дамскую комнату...

Мадам Томиленко не заставила себя долго уговаривать. Сопровождаемая громилой, она помчалась в туалет. Толкнула дверь, в первый момент ей показалось, что дверь заблокирована задвижкой, но тем не менее, она поддалась на пару миллиметров. Обеспокоенный охранник отодвинул Ивонну и с силой нажал на ручку. Дверь наконец открылась, и мадам увидела, что ее блокировало. Это что-то оказалось неподвижным телом Ксении, распростертым на полу возле самого входа.

Капитан Стройкин сделал паузу, мы в недоумении молча-

ли, раздумывая, зачем нам все это знать. Первой опять-таки ожила Муля.

– А при чем тут наш журнал?

– Дело в том, что Федорчук уверяет, разумеется, что жену он пальцем не трогал.

– А разве она убита пальцем? – не на шутку заинтересовалась Роман.

– Она убита цианидом. – сурово сдвинув брови, ответил капитан. – И это вовсе не повод для шуток, молодой человек.

– Извините. – покаялся Рома.

– Так вот, молодые люди. Посторонних на этот приеме, разумеется, не было. Только гости, лично приглашенные Ивонной Томиленко. Единственным исключением была некая юная блондинка в длинном желтом шелковом платье и в соломенной шляпке с широкими полями, украшенными яркими маками. Не знаете такую?

Мы переглянулись, не вполне понимая вопрос. Не знаем ли мы блондинку в желтом платье? Вот я, например, с ходу могу назвать минимум десяток разнообразных блондинок, которые вполне могут нарядиться в такое платье. Уверена, что и каждый из присутствующих знает несколько блондинок, которые изредка надевают соломенные шляпы. Чего хочет от нас капитан?

– Эту блондинку Ивонна не приглашала, она в этом уверена. Как не приглашала и Федорчука. Маразмом мадам не страдает, поэтому мы склонны ей верить. К сожалению,

никто из гостей не разглядел лицо блондинки, все внимание привлекла к себе шляпа с красными маками.

– Вы считаете, это и была убийца? – заинтересовалась Та-нюша.

– Не знаю. Я склонен считать, что убийца – господин Федорчук. – спокойно пояснил капитан. – Но тут много неувязок. В общем, когда экспертиза установила, что Ксения Рогалик отравлена цианидом, Федорчука заподозрили, но напрямую обвинять не стали. В конце концов, на приеме, кроме него, было полсотни приглашенных, и каждый теоретически мог отравить его жену. А вот практически – видимого мотива не было ни у кого, кроме обманутого мужа. Но нам нужны были хоть какие-то показания или улики против него, чтобы предъявить обвинение. Мы опросили всех присутствующих на том приеме, но никто, включая охранника, не видел, чтобы Федорчук подходил к своей жене или чем-нибудь ее угощал. Зато охранник и еще две дамы видели, что к Ксении Рогалик пару раз приближалась неизвестная блондинка в шляпе с маками.

– То есть вы думаете, эту блондинку привел с собой Федорчук, чтобы она отравила его жену? – проявила чудеса сообразительности Нателла.

– Именно так. – подтвердил капитан. – Но доказательств их знакомства у нас не было и нет до сих пор. Тем не менее, на прошлой неделе мы смогли, наконец, предъявить обвинение Федорчуку.

– Каким образом? – у меня от любопытства загорелись глаза, остальные журналисты тоже подались вперед. Капитан выдержал минутную паузу и с явным удовольствием произнес:

– В прокуратуру по почте пришел бумажный пакет, в котором находилась записка и пластиковый пузырек с наклейкой: «Обзидан». В записке компьютерным шрифтом было написано: «Исчерпывающие доказательства того, что Стас Федорчук отравил свою жену.» В пузырьке оказались несколько белых таблеток цианида, а на слегка надорванной этикетке нашлись многочисленные отчетливые отпечатки пальцев господина Федорчука и несколько не менее отчетливых отпечатков погибшей Ксении. На допросе мы предъявили бутылочку бизнесмену, и он при свидетелях признал, что в похожем пузырьке хранит свои таблетки. Тут же начал лихорадочно обшаривать карманы пиджака, но таблеток, без которых он, по его же словам, не выходит на улицу, там не оказалось. И каким образом пузырек попал в руки Ксении, он внятно объяснить не смог.

Капитан вновь смолк, мы тоже молчали, переваривая информацию. Нетерпеливая Таня заговорила первой:

– Захватывающая история, но все же, что понадобилось от нас?

– Федорчук, разумеется, утверждает, что пузырек у него где-то выкрали, подменили безобидный сердечный препарат на зловещий цианид, а потом прислали бутылочку в проку-

ратуру специально для того, чтобы его подставить. Рассказывает невероятную историю о каком-то ночном звонке какой-то неизвестной ему Дианы, которая обвинила его в убийстве, потребовала деньги за молчание, а когда он отказался платить, пообещала его утопить. Разумеется, у следствия другая версия... – капитан осекся.

– Ну что же вы, продолжайте! – потребовала Нателла.

– Не могу, тайна следствия! – отнекивался капитан. – Так я к вам по какому вопросу... Госпожа Томиленко уверяет, что не извещала широкую публику о времени и месте праздника, о нем знал только достаточно узкий круг приглашенных, среди которых не было Федорчука. Каким образом бизнесмен попал на тот самый прием, где была отравлена его жена? – и он замолчал, насупив брови и сурово глядя в глаза Танюше, словно ожидая, что она сейчас бросится к его ногам и сознается во всем.

– А чего вы на меня так смотрите? – возмутилась журналистка. – Откуда я могу это знать?

– С кем, кроме вас, госпожа Тарканова, контактировал господин Федорчук, когда был в этой редакции?

– С редактором Стеллой Ивановой, с фотографом Романом Свиридовым, со стилистом Марией Тапочкиной, с обозревателем Нателлой Шарашкиной. – бодро отрапортовала Танюша. – Вам мало? Ах да, еще со своей женой, потом очень плотно контактировал с ее охранником, менее плотно общался с тем охранником, который сидит внизу. Возможно,

встретился и с нашей уборщицей Дусей, она как раз приближалась в коридоре. И что, вы думаете, мы так полюбили его за время этого визита, что любой из нас немедленно по его просьбе готов был убить его жену?

– Девушка, мне не до шуток. – вздохнул капитан. – Вы же знаете, что после откровений его жены господин Федорчук всеми правдами и неправдами хотел прорваться в вашу редакцию, но охрана его не пускала. Так вот, теперь он утверждает, что на прием госпожи Томиленко пришел лишь для того, чтобы увидеться с кем-нибудь из вашего журнала.

– Да... И что здесь удивительного? – неуверенно спросила Таня.

– А удивительно то, что, по словам господина Федорчука, накануне приема ему пришло официальное приглашение, которое он, к сожалению, выкинул. Тем не менее, он утверждает, что это было приглашение на две персоны, подписанной лично госпожой Томиленко и адресованное вашей редакции. Да-да, не смотрите на меня так. Представителя журнала «Ночной гламур» госпожа Томиленко желала видеть на своем приеме, форма одежды – вечернее платье или фрак. Фрак у Федорчука, как назло, имелся, и он решил воспользоваться шансом. Он не сомневался, что приглашение ему переслал из вашего журнала некто, кто хотел с ним встретиться.

Глава 4

На следующий день я пришла в редакцию с приятным чувством, что работаю в очень даже интересном месте, где все время что-то происходит. Скандалы, разводы, даже убийства – просто каскад событий! Правда, чего хотел от нас капитан Стройкин, я так и не поняла. Мало ли что утверждает бизнесмен, которого взяли за жабры? Он теперь может уверять, что приглашение на прием ему прислала наш президент или английская королева Елизавета. А бутылочку с цианидом подкинула сицилийская мафия. На мой взгляд, дело обстояло куда проще.

Бизнесмен заранее узнал о приеме, на который приглашена его жена. Узнать это на самом деле несложно, многие из приглашенных были его знакомыми. Он нанял какую-то девицу, чтобы она каким-то образом отравила его жену, на приеме передал ей пузырек с ядом, и сам преспокойно ушел домой. Девица задание выполнила, а жадный бизнесмен отказался ей заплатить, сколько обещал. Или же девица проявила жадность и увеличила расценки, чем вызвала у вспыльчивого Федорчука праведный гнев. Стелла нам рассказала, что про Федорчука и раньше ходили слухи, что он своим работникам недоплачивает. Только раньше это сходило ему с рук, а в этот раз наемная работница, разругавшись с работодателем, восстановила справедливость, с потрохами

сдав его полиции.

Погруженная в размышления, я вошла в свой кабинет.

– Ленка, привет! – радостно встретил меня уже сидевший за компьютером Рома. В руках он держал свежий номер нашего журнала. – Я тут зачитался очередным перлом нашей Нателлы. Вот, слушай:

«Я расстегнула очередную пуговку на своей блузке и вопросительно заглянула ему глаза. Почему-то он хмурился и смотрел в сторону. Какой робкий попался мужчина! – подумала я. – Надо его слегка подбодрить. Но как?» И как, ты думаешь, наша Нателла подбодрила своего мужчину?

– Одеда паранжу? – предположила я. – Напялила ему на голову черный мешок? Или... нет, только не говори, что она выколола ему глаза!

– К чему такие зверства? – возмутился Роман. – Тогда уж проще выключить свет!

– Ну, тогда не знаю. Сдаюсь.

– Зачитываю подробности:

«Я подошла к нему поближе и, мурлыча как кошка, потерлась головой о его плечо. Не помогло. Тогда я легонько куснула его за мочку уха. Он вскрикнул и отшатнулся. Но долгожданного взрыва пылких чувств я так и не дождалась. Мужчина моей мечты бросился к входной двери. Я не стала его удерживать. Грустно села на диван и подумала: куда же подевались настоящие мужчины?»

– Бедняга! – посочувствовала я герою очередного эротического опыта. – Как ты думаешь, он теперь станет импотентом?

– Я бы на его месте этой Нателле просто морду набил! – с чувством сказал Рома. – Ну почему бы ей, прежде чем в постель мужика тянуть, к парикмахеру не сходить? Или хотя бы волосы вымыть?

– Ну ты даешь, к какому парикмахеру? Я бы на ее месте на пластического хирурга деньги копила.

– Да ничего подобного, я тебе как профессионал говорю! – разгорячился фотограф. – Нашей Нателле помог бы обычный стилист. Если ей хорошенько физию отмыть да нарисовать вместо уродских полосок нормальные губы и брови, выглядела бы не намного хуже, чем на журнальной фотографии.

– А на фотке рубрики вообще ее лицо, или из Интернета скачали?

– Обижаешь! Лично снимал! – похвастался Рома. – Ох, и намучились мы с Мулей, вспомнить страшно...

Когда Роману велели сделать «глянцевый» портрет Нателлы специально для эротической рубрики, парень сначала испытал сильнейший шок. Ничего менее эротичного, чем эта девица в бесформенных балахонах и с пучком серых волос, он в своей короткой жизни еще не видел. Первой мыслью парня было немедленно отказаться от непосильного задания, но он представил, как Стелла пожалуется его мама-

не, как та начнет его пилить... вот, мол, по благу пристроила в такой солидный журнал, а ты кочевряжишься! Сам Рома не считал свою работу такой уж престижной, но понимал, что для вчерашнего школьника это место совсем неплохое. К тому же, часами выслушивать причитания маменьки... нет, лучше было снять побыстрее страшную Нателлу и развязаться с этим делом раз и навсегда. Выйдя от редактора, он немного побродил по коридору, собираясь с духом, затем, решившись, зашел в кабинет и скомандовал:

– Нателла, погляди на меня, солнышко, я тебя сейчас шелкну. Скажи: «Сы-ыр!».

– Эй, ты что творишь! – Муля вскочила со своего места и буквально грудью закрыла журналистку от объектива. – Ты что, прямо так ее собираешься снимать?

– А как же еще? – обалдел Роман.

– Для эротической рубрики такой снимок не пойдет!

– Да, в самом деле. – пропищала Нателла. – Давай я лучше наполовину разденусь.

– Нет!!! – заорал Рома, невольно попятившись. – Не делай этого!

– Ты чего? – удивилась Нателла. – Ой, ты что, голых женщин никогда не видел?

– Видел, видел, – слегка успокоившись, заверил ее Роман. – Но твою красоту мне без специальной подготовки не перенести.

Нателла польщено потупилась и даже слегка покраснела

от удовольствия. Судорожно печатавшая текст на компьютере Танюша оторвалась от экрана и сдавленно захихикала. Муля с силой укусила губу, но все же сдержала смех. Нателла, слегка обалдев от такой реакции масс, удивленно вытирашила густо подведенные маленькие глазки, сильно напоминая Роману огромную серую жабу, приготовившуюся лопнуть. Между тем Муля взяла себя в руки.

– Рома, Нателлу надо умыть и перекрасить.

– Это еще зачем? – гордо выпрямилась Нателла. – А так что, не хороша?

– Рома, ну скажи ты ей сам! – взмолилась стилистка.

– Солнышко мое. – собрался с мыслями фотограф. – Ты прекрасна, спору нет. Если бы тебя надо было ввести в Дворянское собрание, я не колебался бы ни минуты. Но ты, понимаешь, мм... ты в таком виде недостаточно эротична. Давай Муля тебя перекрасит.

– Нет, я не доверяю свое лицо никому! – вздернула подбородок Нателла. – Снимай так!

– Сама снимай! – Роман пошел вразнос. – Ты что, дома все зеркала изничтожила? Ты хоть сама видишь, насколько ты страшная? Куда тебя для эротической рубрики снимать, тобой маленьких детей пугать можно!

Нателла приготовилась было огрызнуться, даже открыла было рот, но сразу же закрыла, как-то скукожилась и разревелась. Роман выбежал из кабинета, ругая себя последними словам. Ведь принял уже решение – снимать Нателлу во всей

ее красе. Зачем ввязался в ненужный конфликт? Он нервно бродил по коридору, пока дверь кабинета не приоткрылась и оттуда выглянула Муля.

– Рома, заходи, мне одной ее не успокоить.

Вздыхнув, парень зашел в кабинет, и они вместе с Мулей и оторвавшейся от компьютера Танюшей принялись успокаивать рыдающую Нателлу. Через полчаса девушку отпоили, но теперь на ее лицо страшно было смотреть не только Роману. Густые слои краски с глаз и бровей размазались по всему лицу, небольшие глазки распухли и покраснели, в общем, в любой фильм ужасов журналистку взяли бы без кинопроб и без грима.

– Я пойду домой. – все еще всхлипывая, произнесла Нателла, у которой предусмотрительная Муля отобрала косметичку с зеркальцем.

– Нет, ты пойдешь со мной в ванную комнату, там умоешься, и я сама тебя покрашу. – велела Муля. – Таня, да помоги же мне ее транспортировать!

– Все, опять вовремя статью не сдам, убьет меня Стелла! – вздохнула Танюша, но от компьютера все же оторвалась и подошла к Нателле. – Вставай, хватит носом шмыгать.

Девушки почти волоком потащили слабо сопротивляющуюся эротическую обозревательницу в уборную. Примерно полчаса они не возвращались, оставшийся в одиночестве Роман было подумал, что Нателла сбежала от своих мучительниц, и теперь они организовали за ней погоню. Он со-

всем было собрался идти к Стелле докладывать, что задание не выполнено ввиду бегства фотомодели, когда троица вернулась в кабинет. Фотограф критически прищурил глаза. Нет, не подумайте лишнего, чисто вымытая Нателла с распущенными волосами не превратилась в Анджелину Джоли, но без толстого слоя грима девушка не выглядела так уж безобразно. Глаза без темного ободка не казались пороссячими, их очень украшали темные брови вразлет, вдобавок, у Нателлы оказался правильный овал лица. Волосы, хоть и давно не мытые, выглядели густыми и здоровыми.

– Вот, мы ее отмыли! – с гордостью отрапортовала Муля. – Сейчас накрасим, и хоть для «Плейбоя» снимай!

Она достала из ящика стола дежурную косметичку, и, пока Таня держала голову Нателлы, стилистка умело раскрасила ее. Затем, взял девушку за шкурку, заставила потрясти головой, отчего серые волосы разметались по плечам в художественном беспорядке. Теперь девушка выглядела вполне эротично, розовые высокие скулы придавали ей слегка восточный вид, а глаза, подведенные снизу зеленой подводкой, казались большими и загадочными. И девушки, и фотограф остались довольны результатом. Нателла жалобно подвывала, требуя зеркало, но никто ей зеркала не давал.

– Рома, снимай! – скомандовала Муля, и фотограф начал быстро щелкать Нателлу во всех ракурсах.

– Рома, отвернись, сейчас я с нее блузку сниму, и ты ее

с голыми плечами отщелкаешь! – велела стилистка. Роман отворачиваться не стал, и через полминуты его глазам предстал здоровенный красный лифчик. Муля тоже замерла, пораженная до глубины души.

– Натка, у тебя какой номер? – уставившись на чудо текстильной промышленности, спросила она.

– Первый.

– Так на фига тебе лифчик пятого размера? Рома, разве можно ее в такой виде снимать?

– Нет, конечно. – возмутился фотограф. – Пусть скидывает это безобразие, мы ей через плечо перекинем твой розовый ажурный шарик, задрапируем грудь, классно получится должно!

Нателла не собиралась без боя расставаться с лифчиком, но Муля с Таней буквально силой заставили ее прекратить сопротивление, и через десять минут Роман начал снимать фотографии, которые даже Стелла признала настоящим чудом фотоискусства.

– Надо же, вот что значит настоящий художник! – восхищалась редакторша. – Из нашей Нателлы такое сотворить – на это недюжинный талант нужен!

– Это вы Муле спасибо скажите. – Роман устало вытер со лба пот. – Если бы не она, уж и не знаю, что бы я делал с вашей Нателлой.

Я слушала рассказ Ромы, разглядывая яркое глянцевое фото зеленоглазой красавицы в розовом воздушном шарфи-

ке. Мне не давал покоя вопрос – почему Нателла не осталась в обличье прекрасной бабочки, а предпочла вернуться в тело уродливой гусеницы?

– Рома, а почему она сейчас не такая?

– Да ну ее, даже вспоминать не хочется. – отмахнулся парень. – Мы, когда съемки закончили, выдали ей зеркало. Она как себя увидела, снова разревелась, и тут же сбежала. А на завтра пришла, как обычно. У нас уже просто сил не было с ней бороться. Ну ее, пусть ходит, как хочет. Слушай, давай, что ли, в кафе спустимся, а то у меня от долгого рассказа аж горло пересохло.

– Давай. – я взглянула на часы. – Только ненадолго, у меня через час встреча в другом конце города.

– Ты разбиваешь мне сердце! – шутливо вздохнул Рома, и мы пошли к лестнице.

– Я многого в нашей редакции не понимаю. – призналась я. – Вот посмотри на нашу лысую Мулю. Ведь симпатичная девчонка, к тому же, стилист, вон из Нателлы какого лебедя сотворила. Почему сама ходит бритая до синевы?

– Да Муля-то как раз ничего смотрится... – задумался Роман. – И Нателла бы смотрелась классно, если бы вместо критики мужиков занялась бы своей внешностью.

– Наверное, ее на все сразу не хватает. – предположила я. – А ты в курсе, почему именно ей предложили вести эротический дневник?

– Больше желающих не нашлось. – пожал плечами Роман.

– То есть как? Наша Танюша только и делает, что кавалеров меняет, вот у кого, должно быть, богатейший эротический опыт.

– Так редакторша с нее и начала. А Танюша такой вой подняла: если напишу я на всю нашу маленькую страну про добрую сотню своих любовников, вы что, думаете, после этого на мне приличный чел жениться? Нет уж, я практик, а не теоретик, поищите для вашей рубрики другого сексоведа и сексолюба.

– Ну и писала бы туда сама редакторша. Небось, наша Стелла тоже не лыком шита...

– Наверное, посчитала для себя несолидным. – пожал плечами Роман. – Прикинь, она и меня хотела в эту рубрику впрячь, ну, чтобы мы с Нателкой чередовались – в одном номере она свои похождения описывает, в другом я – свои.

– А ты чего испугался? Приличная девушка после этого замуж не возьмет?

– Да мне плевать, но вот моей маман... Она спит и видит, когда ей дворянское звание дадут.

– Чего ей дадут? – обалдело переспросила я.

– Наивная ты, Лена, как первоклассница. – вздохнул Роман, заказав два кофе и усаживаясь рядом со мной за столик в кафе. – Фишка у моей мамы такая – не хочет она быть простой женщиной, а хочет быть столбовою дворянкою.

– И кто же у нас такие звания раздает? – по прежнему не врубалась я.

– Да я лично три дворянских общества знаю. Одно только немецких дворян обслуживает, тех, у кого какой-нибудь Фон-Дур в родословной найдется. Другое смешанное, им главное, чтобы была примесь хоть какой-то приличной крови. Третьи только российских дворян принимают. Там, правда, родословную надо самим заказывать. Или написать.

– И что, любая сойдет? Даже от кинологического общества?

– А фиг его знает, думаю, и такая сгодится. Российские дворяне все равно с этими обществами никакого дела иметь не хотят, а для внутреннего пользования какая разница, кто бумагу выдаст? Впрочем, маман на всякий случай решила стать французской дворянкой, Жозефиной де Гравьер. Не подкопаешься.

– А у вас французы в родне есть?

– По маминым рассказам, двоюродного брата одного из дедушек звали Арман. Но я такого родственника не помню, впрочем, он еще до моего рождения умер. Может, и были с какой-то стороны французы, кто ж теперь разберет... По крайней мере, маман подала запрос во французское посольство, и теперь ждет ответа, чтобы вступить в некое смешанное общество русско-немецко-польских дворян «Маркизант». Она там будет единственной французской графиней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.